

Пролог

Торопиться некуда. Апрель — тепло, солнце! Хорошо!

Дома меня никто не ждет, ни жены, ни детей... никого нет. Хоть сутками напролет гуляй. Или вообще исчезни — никто не поинтересуется, где ты и что с тобой. Кроме электросетей и газовой компании — но им от тебя нужны только деньги, совсем не ты.

Ною? Ничуть. Констатирую факт. За свою долгую жизнь я хоронил товарищей, сослуживцев, просто знакомых и прекрасно понимаю, насколько скоротечна наша жизнь и как слабы мы перед Провидением. Грех жаловаться! Мне семьдесят лет, но я бодр, прекрасно себя чувствую — в отличие от многих и многих гораздо более молодых мужчин и женщин. Каждый день подолгу гуляю, да и гантели мои не залеживаются. И в спортзал хожу — тренажеры, боксерский мешок, все, как полагается. И любовница есть — даже две. Одной двадцать лет, другой тридцать пять. Я всегда отличался даже, можно сказать, излишним содержанием тестостерона, хотя и умел его «держат в узде». Не смешивал службу и развлечения. Хотя и не упускал случая покувыркаться с понравившейся мне женщиной.

А семьи не нашёл. Вначале это мешало работе — нелегал, который постоянно ходит по лезвию ножа, — какая ему семья? Семья — это потом, когда выйдешь в тираж, когда получишь свою законную пенсию. Или когда тебя выпрут в народное хозяйство — так у нас это называлось.

Кем я служил? Трудно так сразу сказать... чистильщик? Наверное, так. Кто-то ведь должен подчищать дерьмо за облажавшимися коллегами. И кто-то должен делать то, что делал я.

Нет, не только убивать — хотя это очень важная составляющая моей работы. Уметь устранить негодяя всеми возможными и доступными методами — этому учат в Академии (как мы ее называли) в первую очередь. Но еще — ты должен соображать, должен уметь разобраться с ситуацией и, если возможно, — не допустить смертей. Ну а если другого выхода нет...

С кем можно сравнить? Если только с ниндзя, но вообще-то эти самые ниндзя — киношная сказка. Мы не умеем летать, не умеем колдовать. Но убивать умеем не хуже, чем эти самые голливудские киношные парни.

Когда к власти пришел мерзавец, помеченный каиновой печатью на башке, первое, что он сделал — это отдал приказ Бакатину уничтожить КГБ, и вместе с ним — силовые структуры ПГУ (Первое главное управление КГБ СССР, занималось внешней разведкой), справедливо полагая, что основная опасность для него исходит именно оттуда. Он верно сделал. Если бы нам отдали приказ убрать этого болтуна, он прожил бы не больше недели. Смерть от остановки сердца или от почечной недостаточности — и никаких следов. Органические яды,

в которых мы разбираемся более чем достаточно, разлагаются в организме за считанные минуты, не оставляя после себя ни малейшего следа — если не знать, как и что искать. Но такого приказа не было. А мы не убивали без приказа — если только не спасали свою или чужую жизнь.

Мне было сорок два года, когда меня сократили, как и многих армейских офицеров. Я проходил по третьему уровню биографии — по самой первой версии числился полковником строительных войск. По второму уровню — специалист-силовик в ведомстве КГБ. Третий уровень, до которого не добрались агенты Бакатина и материалы которого хранились в недрах ПГУ — настоящая фамилия и все сведения обо мне, начиная с места рождения и настоящего имени и заканчивая местом проживания, привычками и склонностями. Слава богу, эти документы были уничтожены моим непосредственным руководителем, начальником отдела генералом Ивашовым. С которым я потом сотрудничал долгие годы.

Выбросили меня в народное хозяйство, как жестокие хозяева несчастного пса. Жри что хочешь, живи как хочешь. Небольшая пенсия, годная только для того, чтобы оплатить коммунальные услуги, и более ничего. Если бы я и вправду был этим самым полковником из стройбата, туго бы мне пришлось. Но специалист моего уровня всегда найдет себе работу. Начались лихие девяностые, когда создавались и терялись огромные состояния, когда люди решали свои проблемы, не обращаясь к правоохранительным органам, потому что не было ни права, ни этих самых органов, разложенных, развращенных шальными деньгами и тупостью власть

имущих. Бандитизм, право сильного, деньги, которые решают все.

Да и кроме того — у меня имелись накопления, и очень даже неплохие. Двадцать лет в службе внешней разведки — часть денег шла на банковский счет, и не только в рублях. А кроме того... я знал местонахождение нескольких тайников, которые закладывались еще в советское время на случай войны и оккупации территорий. В этих тайниках было все, что нужно диверсанту и нелегалу — начиная с оружия и взрывчатки и заканчивая золотыми изделиями и валютой многих стран. Кольца, перстни, золотые монеты — все, что можно легко и безопасно продать, все это имелось в закладках, и я знал расположение восьми из них. И мог воспользоваться содержимым в любой момент. И пользовался.

А потом на меня вышел генерал Ивашов. Бывший генерал Ивашов. Он нашел меня, хотя я и спрятался в провинциальном городе, оборвав все свои связи. Нашел и предложил мне работу по профилю. Нет, не просто киллером, который устраняет всех, за кого хорошо проплатили. Насколько я понял, организация, которую создал Ивашов, была чем-то вроде небольшой военной компании — полугосударственной, участвующей. Он принимал заказы и от частных, и от государственных структур, которые не хотели засветиться. Государственные структуры хотели избавиться от некоторых вредных личностей, прячущихся за рубежом, а еще — уничтожить особо зарвавшихся уголовных авторитетов, совсем уже потерявших берега. Этих убирали и в СНГ, и там, где их достигнут — мочили по сортам.

Тут и чеченские войны подоспели... работы было — море! И оплачивалась она не в пример выгоднее, чем тогда, когда я служил государству, будучи бравым полковником.

Что касается частных — тут был вообще океан работы. Начиная с устранения тех же зарвавшихся бандюганов, желавших выпить кровь у добропорядочного бизнесмена, способного заплатить за наши услуги, и заканчивая возвращением заложников, украденных чеченскими бандитами, требующими выкупа.

По-настоящему я «вышел на пенсию» уже на седьмом десятке. Просто надоело. На кой черт мне рисковать, если денег у меня столько, что я их за всю оставшуюся жизнь не потрачу? Да и две дырки в организме плюс три ножевых ранения доказали мне, что с годами реакция не становится лучше. После того, как отлежал в зарубежной клинике битый месяц, решил: все! Завязываю! О чем и сообщил Ивашову.

Генерал слегка расстроился, но только слегка. Явно он уже ожидал чего-то подобного. И в самом деле — сколько можно? До самой смерти валить этих подлецов? Нет, так не бывает. Сколько веревочке ни виться... очень уж не хочется помереть раньше времени или закончить свою жизнь где-нибудь на зоне. Что, впрочем, равносильно преждевременной смерти. Скорее всего, с зоны я уже не вернусь.

Вот и живу — тихо, спокойно... езжу на рыбалку, купил себе лодочку с мотором, домик в пригороде... Джип, чтобы таскать прицеп. Живу — насколько меня хватит. Полюбил сельскую жизнь — неожиданно для себя увлекся садоводством. Навыписывал

фруктовых деревьев, насажал — сливы, груши разных видов! Учусь прививать, учусь... созидать. Хватит только уничтожать! Теперь — только хорошее, только позитив!

Читаю книжки — все больше фантастику, в прошлой жизни мне было не до книжек. А теперь — как прорвало, глотаю одну за другой. Хорошо! Только иногда будто под ложечкой сосет — адреналина не хватает, что ли? Или неистребимое чувство справедливости говорит: «Вот взять бы да свернуть башку этому толстомордому политикану! Чтобы, сука, думал, что говорит!» Жалко, что чистильщик не имеет права по своему пониманию убирать человеческий мусор — иначе он долго не проживет.

— Уйдите! Отстаньте от меня! — услышал девичий голос. Поморщился — вот этого только не хватало! Такой ясный апрельский день, солнце, все тает — и какие-то суки портят настроение окружающим!

Тут рюмочная, которую недавно открыл какой-то непонятно откуда вынырнувший кавказец. Крутят шаурму, продают спиртное в розлив — сомневаюсь, что имеет лицензию на торговлю разливной бормотухой. Как следствие — у шинка начали кучковаться сомнительные личности, ну как мухи на дерьмо летят! Ну а где собирается такое быдло — жди неприятностей.

Вздыхнул еще раз и пошел на звуки сражения. Заглянул за угол кирпичного строения и тут же уткнулся взглядом в спины пятерых парней, примерно шестнадцати-двадцати лет от роду. Как их там называют — ауешники? Мода такая пошла, парни невеликого ума вдруг ударились в уголовную «ро-

мантику». Не знаю, что там такого романтического в сидении на нарах в камере, где воняет потом, немытыми носками и застарелым табачным дымом (было, да...), но вот же — нашлись, так сказать, адепты этого идиотизма! Одни дебилы ходят с белыми ленточками и вздохом вопят за своего лидера Сисяндра, другие ботают по фене и мечтают усесться на нары. И что вот с такими идиотами делать? Жизнь научит? Да прежде чем научит, они столько наворотят, что ни один бульдозер их дерьмо не своротит!

Девчонка отчаянно отбивалась — на вид лет пятнадцать, аккуратненькая, домашняя, видно, что никаким боком не относится к этой компании. Но сражалась отчаянно — пыталась врезать ногой старшему, самому высокому из гоп-компании, прыщавому рыжему юнцу. Отбивала руки другого, который пытался задрать ей юбку. Глаза голубые, яркие, как весеннее небо. Хороша! Эх, где мои пятнадцать лет? Когда-то целовался я с такой девчонкой... встретил ее через двадцать лет. Она шла, держа за руку двух таких же яркоглазых и румяных девчонок, девчонки хохотали, и глаза их сверкали, как бриллианты. И так мне тогда стало горько! Ведь она могла быть моей! А эти девчонки — моими дочерьми. Но не сложилось. Я ушел в армию, и... так из нее и не вернулся.

— Эй, парни, отвалите! — скомандовал я, очень надеясь, что обойдется без мордобоя.

— Чеооо?! — Старший повернулся ко мне, остальные продолжили удерживать девчонку. — Старый, свали отсюда! А то обижу! Я так-то стариков не трогаю, но ты, в натуре, оборзел! Считаю до трех! Не свалишь, шчас башку разобью, старый пень!

— Я сказал — отвалите от девчонки! — продолжаю я спокойно, расслабляясь, как всегда перед боем. В голове спокойно, мысли улеглись по своим местам, не мешая рефлексам заниматься тем, чем им положено заниматься.

— Ну, ты достал! — Парень шагает ко мне, в его руке блеснул длинный узкий клинок. Ну ни хрена себе оборзели эти ауешники, или кто они там! С ножом! На деда!

Замахивается, бьет коротко и даже умело, целясь в печень. Блокирую удар, бью сам, целясь в гортань костяшками подогнутых к ладони пальцев. Само собой — попадаю, этот удар отработан просто до уровня инстинкта. Парень хрипит, ушибленная гортань не дает дышать. Мог бы и убить, но зачем мне труп? Парень падает, и тогда остальные четверо бросаются на меня. У двоих ножи, у их «коллег» — телескопические дубинки.

Все как в тумане. Не тот я уже, черт подери, не тот! И в лучшие годы пятеро отморозков с ножами и дубинками — это было бы тяжело, но сейчас, после ранений, в семьдесят лет?! Перебиваю переносицу одному, тому, что с дубинкой и уже замахнулся.

Блокирую удар ножа второго, бью ему в висок что есть силы, чтобы не встал... третий получает удар в солнечное сплетение — прямой ногой. И тут же чувствую резкую жгучую боль в груди. Все. Попался! Конец. Но прежде...

Ломаю руку, которая держит заточку, подтягиваю к себе ублюдка и одним движением ломаю ему шею. Тут же уклоняюсь от удара дубинкой последнего оставшегося на ногах отморозка, бью в гортань и тоже сворачиваю шею негодяю.

Первый, которого я ударил в гортань, шевелится на земле, и в моем затухающем сознании вспыхивает яркая мысль: «Я сдохну, а ты будешь жить?! Не бывать этому!» Пошатнувшись, шагаю к парню и ударом каблука ломаю ему шею. Со вторым, что получил удар в живот, продельваю то же самое — мне теперь все равно. Все, вот теперь можно уходить. Теперь — все. Вышел на пенсию, называется.

В последний раз посмотрел на яркую наборную рукоять, торчащую из груди, и... начинаю уплывать. Сердце, рассеченное заточенным до остроты иглы металлом, затрепетало в последний раз, как мотылек, сгорающий в пламени свечи, и остановилось.

Нет — никакой киноленты с моей жизнью не промелькнуло перед моими глазами. Глупости это все, я знаю. Последней мыслью было: «Все, пи...ц!». И я умер.

* * *

Девчонка, которая замороженно смотрела на происходящее, наконец очнулась и завизжала. Визжала она долго, зажимая уши и закрыв глаза, но на ее визг никто не пришел — как и раньше, когда грязные пальцы подонков шарили у нее в трусиках. Никто — кроме этого незаметного худощавого старика, лежащего теперь у ее ног.

Она дрожащими руками достала из сумочки смартфон, с трудом набрала номер полиции и несколько минут срывающимся дрожащим голосом рассказывала о том, что здесь произошло. У нее был порыв убежать, забыть все как дурной сон, но,

посмотрев на старика, она отбросила эту идею. Это будет как-то... неправильно. Она должна рассказать людям, что здесь случилось и как погиб этот человек.

Скоро на пяточке за магазином стало тесно от набежавших, наехавших полицейских. Оперативнику, который прибыл на место вместе с криминалистом и прокурорским следователем, пришлось даже наорать на участкового и патрульных полицейских, норотивших затоптать место происшествия.

Потом начали скапливаться любопытные — алкашня, работники магазина и просто случайные прохожие. Откуда-то, как воронье на падаль, прилетели и репортеры. Все снимали на телефоны, вытягивая шеи, вставая на цыпочки, будто это могло помочь им как следует все рассмотреть.

Девчонка рассказала о том, как все случилось. Опер недоверчиво мотал головой — старик голыми руками убил пятерых отморожков, каждый из которых выше его минимум на полголовы?! Головы им свернул?! Что это за терминатор в «Аляске»?!

Посмотрел документы. Военный пенсионер Фролов Максим Леонидович. Бывший полковник. М-да... настоящий полковник! Уработал пятерых, да еще и самого последнего — уже фактически будучи мертвым. Силен, дед! Жаль... уходит старая гвардия, теперь таких не делают. Железные люди!

Посмотрел его смартфон... никаких записей в контактах. Кроме одной: «Игошин». Позвонил, представился, рассказал о происшедшем. На той стороне трубки хрипловатый мужской голос бесстрастно сказал: «Информацию принял». И отключился. Больше этот номер не отвечал — «Абонент недоступен».

На следующий день в УВД появился скромно, но явно очень дорого (если присмотреться и понимать) одетый седовласый человек, представившийся Игошиным Константином Петровичем. Он предоставил следователю, ведущему дело об массовом убийстве на улице Продольной, документ, в котором было указано, что ныне покойный Фролов доверяет Игошину распоряжение его имуществом и его телом — так, как Игошину заблагорассудится. Игошин пожелал сразу же забрать тело для погребения, но следователь воспротивился — это ведь не по закону. Игошин ушел. А через час следователю позвонили с самого верха те, кому он никогда и ни за что не мог отказать. Тело Фролова забрали, но следователь в общем-то и не расстроился — вскрытие было уже проведено, да и так все было предельно ясно. По крайней мере — для следствия.

А на следующий день было написано отказное за смертью всех фигурантов. Следователю было любопытно, кем же был этот таинственный Фролов, который сумел расправиться с бандой отморозков, длительное время терроризировавших весь микрорайон, но он понимал, что лучше не совать свой нос туда, где его быстро прищемят. Вспомнить только звонок сверху. И он не сунул. Дело было закрыто.

Фролова похоронили на местном кладбище, поставили крест, ведь он все-таки был православным, хотя и никаким не Фроловым. Вероятно, этот человек уже и сам забыл, какое имя ему дали при рождении. Но это все неважно. Он был одним из тех немногих, кому генерал Игошин доверял так же, как и себе самому. И потому он должен был отдать

ему последний свой долг. Надеюсь, что когда умрет он сам — кто-нибудь из соратников проводит его в последний путь.

А еще он даже немного позавидовал: соратник умер как настоящий воин, как викинг, в бою, уничтожив кучу врагов! И если есть на том свете Вальхалла — он должен воскреснуть, чтобы снова и снова вступать в схватку с врагами!

Иначе нет в мире никакой справедливости, кроме той, которую ты устанавливаешь своими руками.

Глава 1

«Все, пи...ц!» — мысль билась в голове, которая трещала так, будто ее сжимали тисками. Я застонал, судорожно вздохнул и попытался открыть глаза. Глаза открывались трудно, а когда открыл — увидел только белую муть и в ней плавающие надо мной розовые шары, в которых я с трудом смог определить человеческие лица. Нет, я помнил все — и последний хруст свернутой шеи врага, и рукоять заточки, торчавшей у меня в груди. И злобную ярость на самого себя — как я мог пропустить удар?! Старишка поганый! Позорник! Какой-то жалкий ублюдок, дилетант смог меня зарезать! Кто я после этого?! Тьфу на меня! Впрочем — от неожиданностей никто не застрахован. И жалкий мальчишка, ничтожный человек и никакущий стрелок, может убить признанного ганфайтера, грозу всего Дикого Запада — если тому попросту не повезло.

Голоса. Они гудели, слова метались в воздухе, лезли мне в уши, но я не понимал ни одного сказанного слова. Знал, что должен их понимать, казалось — напрягусь, подумаю как следует и пойму! Но ничего не получалось. Просто набор звуков, и все тут!

«Это последствия сотрясения мозга, — вдруг возникла у меня мысль. — Это я ударился головой,

и мозг начал барахлить. Стоп! А как тогда быть с за точкой, вонзившейся в сердце? Как я выжил? Хмм... может, клинок рядом прошел, не задел сердца? А что, такое бывает. Я видел и не такие... странные вещи. Я даже видел, как отрезанная голова моргала и сопровождала меня взглядом... Мне потом это зрелище снилось месяц, не меньше».

Я поднял руку, потрогал грудь. Хмм... не больно. И повязки никакой нет. Но движение далось так трудно, так через силу, что... меня затошнило. Я дернулся в спазмах рвоты, но удержался и не выблевал содержимое желудка. Да, от резких движений мне пока что надо воздержаться.

Снова слова — кто-то быстро говорит, но, черт подери, — я не понимаю ни слова! Что за хрень?! Хмм... удар по голове? Да, голова предмет темный, исследованию не подлежит. Что может случиться после сотрясения? Да все, что угодно!

Наконец кто-то берет меня за голову — я чувствую его руки у себя на висках, холодные и сухие — и речитативом начинает что-то говорить нарастающим шепотом. Мне вдруг делается жарко. Так жарко, что пот мгновенно покрывает все тело, и я не сдерживаю стоны — а-а-а-а! — ругаюсь, пытаюсь вырваться из удерживающих меня рук, но эти руки очень сильные, и я скорее откручу себе голову, чем вырвусь. Ну... так мне кажется. Голова начинает болеть сильнее и сильнее, до дикой, нестерпимой боли, когда хочется выть и материться, а еще — прибить того, кто причиняет такую боль. Чувствую, что сейчас потеряю сознание, но... боль вдруг кончается. В голове ясно, пусто, и... возвращается нормальное зрение. И что же я вижу? То, чего не мог ожидать, во что не могу поверить!

Вокруг меня стоят несколько человек в старомодных, вернее, даже средневековых нарядах — таких, как их рисуют историки, как одеваются реконструкторы. Только наряды эти сидят на людях не как на реконструкторах, изображающих Средневековье, нет! Видно, чувствуется, что для этих парней такая одежда — повседневность, и те кинжалы и мечи, что висят на поясах, не просто какие-то там игрушки, а самое что ни на есть настоящее оружие, бывавшее в деле, — потертое, выщербленное и... смертоносное.

Оружие?! Какое, к черту, оружие?! Я только что упал у обоссанного поколениями алкашей угла чертовой рюмочной, упал с заточкой в груди! Какие, к дьяволу, средневековые мужики?! Какие мечи?! Что это за идиотизм?!

Передо мной стоит крепкий мужчина лет за сорок в черном с серебром костюме — не знаю, как назвать этот костюм — камзол? У него на груди висит золотой медальон на крупной массивной цепи. С уважением прикинул — килограмм весит цацка, не меньше! Если только цепь не дутая. Вот же любят люди такие тяжелые побрякушки! На этой цепи и повеситься можно!

Я никогда не любил украшения. Помню, в одной юмористической книжке прочитал, какой-то кадр написал письмо в журнал, задал такой вопрос: «На каких пальцах надо носить перстни, если число их превышает пять?» Ответ от редакции: «На женских пальцах».

Единственное исключение, которое я себе позволял — это «рабочий» перстень, в котором хранился запасец яда. Всыпал его в стакан супротивнику, и вуаля! Через несколько часов он покойник.

Такие яды обычно бывают с отсроченным на несколько часов, а то и дней действием. Любой согласится, что было бы идиотизмом отравить собеседника быстродействующим ядом, чтобы тот отбросил копыта прямо здесь, перед убийцей, который неминуемо попадет под полицейское расследование. То ли дело потом — ушел человек, и через несколько часов скончался. Бывает, чего уж там! Время такое. Время стрессов и болезней.

Рядом с мужчиной — несколько мужчин помоложе, но очень на него похожих, и в камзолах таких же цветов. Только серебра меньше, и нет медальона.

Отдельно стоял мужчина примерно моих лет — седой, жилистый, с белой расчесанной надвое бородой. Он был одет в свободную синюю рубаху и свободные же синие штаны — похоже, что шелковые. На ногах, в отличие от обутых в высокие остроносые сапоги вооруженных парней — что-то вроде мягких кожаных туфель. Он переминался с ноги на ногу, и было видно, как морщатся, сгибаясь, его туфли, облегая ногу, как вторая кожа. Мокасины, ага.

Старик что-то сказал, обращаясь к старшему, тот кивнул, и меня подняли с пола. Уже будучи в воздухе, я обратил внимание на того, кто меня поднял — это был огромный толстогубый мужчина с каким-то детским, даже идиотским выражением лица. Голова его коротко пострижена — грубо, клочками, а изо рта пахло сырой тухлятиной, как из пасти собаки или кота. И вот еще что — я заметил на его шее украшение, что-то вроде медного ошейника. Этот самый ошейник был начищен до блеска, но предательская зелень там, где он касался кожи,

не давала оснований думать, что ошейник сделан из золота. Хотя и блестела эта штука, как золотая.

Длинный коридор, местами настолько темный, что мне было непонятно — как этот великан находит в темноте дорогу. Потом через солнечную террасу, с которой открывался вид на сад — с прудом, аккуратно постриженными кустами, высокими пирамидальными деревьями, сразу наведшими на мысль о Сочи или о ботаническом саду. Тропические деревья, это было видно сразу. А парк красивый, тут двух мнений быть не может. Похож одновременно и на английский парк с его древним газоном, и на какой-то тропический райский уголок, в котором произрастает то, что никогда не будет расти в холодной туманной Англии.

Чирикали птички, светило жаркое солнце, я покачивался над землей, уже перестав удивляться тому, что со мной происходит. Ощущение было — я во сне. А зачем сопротивляться сну? Проснешься, и все станет как прежде. Только вот куда девать из головы воспоминания о моем последнем бое? Где я однозначно умер? Неужели он мне приснился? Тогда кто эти люди?

От интенсивной мозговой деятельности меня снова затошнило, сознание помутилось, и я наконец-то отключился.

Следующий раз я проснулся в маленькой, очень маленькой комнате, потолок которой виднелся надо мной всего в полутора метрах. Этот потолок был разукрашен звездами и солнечными дисками, от которых отходили золотистые лучи, и мне понадобилось минут пять, чтобы понять — никакая это не комната, а я лежу под самым что ни на есть настоящим балдахином на широченной кровати,

на которой могут уместиться человек пять, и еще останется место. Настоящий сексодром, мечта свингеров!

А еще обнаружил, что раздет догола, то есть — практически до нитки, и когда слева от меня что-то упало и хриплый голос пробурчал слова, которые я почти узнал, лихорадочно натянул на себя то, чем накрывался (что-то вроде расшитого покрывала) до самого подбородка. Глупо, конечно, я в свои семьдесят лет уже давно не стеснялся показать кому-либо стареющую плоть. Если это нужно для дела. Какого дела? Да всякого! Постельного, например.

Повернув голову, увидел человека в свободных, широченных, ниспадающих до пола коричневых штанах и в такой же коричневой рубашке, свободной и не стесняющей движений, в плетеных сандалиях на босых, со вздутыми венами ступнях. Черные жесткие волосы человека были собраны в длинный хвост на затылке, и в кончики волос искусно вплетены белые и желтые фигурки — кони, люди, звездочки. Как они держались на волосах — не знаю, наверное, там были какие-то застёжки.

Человек повернулся ко мне лицом, и я вдруг непроизвольно то ли хмыкнул, то ли ойкнул, то ли все сразу и вместе. Это была женщина. Морщинистая, со смуглой, красноватой кожей лица, она сразу же наводила на мысль об индейцах, которых добрые англосаксы нормально загнали в резервации, где индейцы могут свободно дегradировать, упиваться дешевым виски, паразитируя на халявных казино и на глупых туристах, приехавших за индейской романтикой. Только вот эта мадам совсем не была похожа на дегradировавшую индианку, наоборот — в ее черных, жгучих, как угли, глазах сверкал

ум, а еще — хитрость, жестокость и ярость — тогда, когда это понадобится. Откуда я это знал? Знал, да и все тут. И сразу же всплыло имя: Жара. А еще — Скарла.

Жара подошла ко мне и вдруг бесцеремонно отбросила с меня парчовое покрывало. Я и ойкнуть не успел! Сдернула и начала ощупывать, что-то приговаривая себе под нос и время от времени матерясь — и опять, откуда-то я знал, что она исторгает из себя отборные ругательства, которые у нас назвали бы матом. Она осматривала меня так внимательно, так пристально, как, наверное, только прозектор рассматривает интересный, представленный ему для исследования труп. Или как влюбленная, которая в первый раз видит своего парня голым, и внимательно разглядывает, щупает его тело, наслаждаясь процессом, желая как следует рассмотреть перед тем будущим, которого ей не избежать.

Закончив осмотр, женщина довольно хмыкнула, ухмыльнулась и звонко хлопнула меня по голому бедру. И только тогда я увидел на ее шее такой же ошейник, как на великане, тащившем меня на руках. Нет, все-таки не такой. Тот был желтым, медным, этот — белый с чернью, да еще и украшенный причудливой резьбой.

Женщина снова прикрыла меня покрывалом и что-то сказала. И снова я был готов поклясться, что вот-вот пойму, разберу то, что мне сказали, но... не смог. Так бывает — лихорадочно стараешься вспомнить некое слово, имя, или название, а оно ускользает, а оно не дается — будто застряв где-то в каналах, через которые файлы памяти поднимаются в то место, которым я думаю.

Вообще, мне наш человеческий мозг всегда представлялся чем-то вроде живого компьютера. Корка, которой мы думаем и которая находится на самом верху — это что-то вроде экрана, на который из глубин мозга, из его файловых хранилищ передается информация. Если путь к какой-то ячейке заблокирован — ты не можешь вспомнить, сколько ни стараешься. А потом ход вдруг открывается, и... ты вспомнил! Счастлив!

Утрирую, конечно, какой-нибудь биолог, исследователь мозга посмеется над моими дилетантскими высказываниями, но я и не утверждаю, что являюсь специалистом-мозговедом. Я много читал, думал — тем более что на заслуженном отдыхе ничего и не остается, кроме как читать и думать. И вот — пришел к своему дилетантскому выводу. Кто может обосновать лучше — сделайте это, а не трепите зря языком. Сдается мне, что эти большеголовые шаманы-ученые только пыжятся, надувают щеки, изображая, что знают все на свете. А на самом деле такие же дикари, как... настоящие дикари. Только изображают знание, чтобы сильные мира сего отслонявили им побольше бабла. Как всегда — все упирается в бабло.

Женщина отошла, стала возиться у столика в дальнем углу комнаты (огромной комнаты, надо сказать!), а меня вдруг реально прошибло потом — господи, да что со мной делается?! Я оупел, что ли?! Стал полудурком?! Почему я сразу не заметил, что тело-то мое — НЕ МОЕ! Вместо худого жилистого старика, под морщинистой кожей которого извивались твердые, как из проволоки, мышцы, в постели лежит молодой парнишка, совсем даже не утруждавший себя физическими упражнениями, белоко-

жий, мягкий-домашний, и без единого следа ранений на теле! По крайней мере — в тех местах, что мне были видны. Одно только порадовало — я НЕ ЖЕНЩИНА, было бы не очень приятно очнуться и обнаружить отсутствие на своем законном месте мужского достоинства, всю жизнь доставлявшего мне и удовольствие, и душевное расстройство, когда ты с трудом избавляешься от мысли о сексе, и тебе надо усиленно думать о том, как бы поточнее и быстрее выполнить задание. Нет, я никогда не думал головкой — только головой, — но кто бы знал, каких усилий иногда мне стоило думать обычным, понимаешь ли, способом!

Гладкие ноги, гладкий, пухленький живот... вот же!..

Интересно, сколько мне лет? Тут вообще зеркала есть? Выпрасываю из-под одеяла свои руки, рассматриваю. Само собой — на ладонях никаких мозолей. Явно эта рука не занималась физическим трудом, и спорт для нее тоже чужд. Хотя в общем-то мышцы есть, хоть и дрябленькие, но вполне различимые. Вон как бицепс натягивает кожу! Пальцы гладкие, ногти красивые, овальные, ухоженные. Интересно — он сам их обрабатывает, или тут есть салоны красоты?

Меня вдруг разбирает смех, я хихикаю, закашливаюсь и долго не могу успокоиться, будто надыхался угольной пыли и теперь кашлем стараюсь вытолкнуть ее наружу. Старуха хмурится, подходит, протягивает мне металлическую кружку. Желтую кружку, наверное медную. Привстаю на одном локте, беру кружку, пью... и задыхаюсь от горечи, вяжущей рот. Сплювываю, ругаюсь и вижу, как хихикает чертова старуха, одетая в мужскую одежду.

И вдруг на меня нападает сонливость. Опускаюсь на постель, закрываю глаза и проваливаюсь, как в темный колодец.

Следующее пробуждение было более результативным, и более... хмм... я даже не знаю, как это назвать — стыдным? Волнительным? Неудобным? В общем — проснулся я от прикосновения к моему телу чего-то теплого, влажного, и чего греха таить — приятного. Две девушки лет по пятнадцать-шестнадцать стояли надо мной на коленях и сосредоточенно протирали мое тело, макая сложенные в несколько раз тряпочки в подобие небольших кастрюль с ручками, скорее напоминавших походные котелки. От воды, которой меня протирали, приятно пахло чем-то цветочным, руки девушек ласковы и настойчивы, а сами девушки, украшенные медными ошейниками, были милы и одеты во что-то легкое, похожее на длинные рубахи с разрезами по бокам, открывающими смуглые гладкие ноги, приятные на вид и навевающие мысли о...

М-да. Вот что значит молодое тело! Я тут же почувствовал, как восстает мое мужское естество, что заметила стоявшая рядом старуха, наблюдавшая за процессом. Она радостно хохотнула и легонько шлепнула меня по этому самому месту, сказав что-то вроде:

— Ага! Значит, будет жить! Все в порядке! Ишь, как разошелся!

Да не вроде, именно так она и сказала! Ох ты ж... и при этом я понял, что говорила старуха совсем даже не на русском языке. Но я ее понял!

А еще понял, что вдруг, неожиданно для себя, издавшего виды и давно отучившегося стесняться — краснею! Да так, что покрылся краской от са-

мых пяток до... середины туловища, и от середины до самых кончиков волос. Я красный как рак!

Ах, это молодое тело! Ах, этот зашкаливающий, бурлящий в крови тестостерон! Как много вреда он наносит мужчинам! Вначале мучает их прыщами, покрывающими юное тело в период созревания. И тогда кажется, что жизнь прожита зря — кто тебя полюбит, такого прыщастого и угрюмого! А потом, когда прыщи исчезают, тебя мучают мысли о том, как хорошо было бы задрать вон ту юбку или эту юбку и вообще — все юбки в мире! Лишь бы это был не шотландский килт и чтобы под юбкой не обнаружилось члена. Остальное — все то, о чем ты думаешь днями и ночами.

Да, не все мужчины такие. Но многие — именно такие. Они как раз и составляют костяк мужского сообщества. Не те вялые и томные пузатые мужички, которым достаточно секса раз в месяц, а то и в квартал, а именно мы — самцы, жеребцы, только и думающие о том, как бы завалить ту или иную женщину.

Я думал над проблемой и пришел к выводу — всем человеческим обществом управляет только один инстинкт — инстинкт размножения. Люди рождены, чтобы размножаться. Чтобы увеличивать количество особей своего вида. Как плесень. Как вирус. Как чума. И потому не надо сдерживать свои инстинктивные порывы, просто надо перерабатывать их энергию, пускать свои инстинкты, свою сексуальную энергию на пользу делу.

М-да... а девчонки симпатичные! Хмм... да это ведь рабыни, черт подери! Как я не догадался? Ошейник на шее, простая одежда... и старуха ведь тоже рабыня? А чего она тогда распоряжается?

Пощупал свою шею... нет никакого ошейника! И слава богу. Очень уж не хотелось на том свете оказаться каким-нибудь шелудивым рабом. Но раз я не раб — кто я такой? И ГДЕ Я?!

Опять головная боль, опять ощущение мысли, которую я никак не могу поймать за хвост. Да и попробуй поймай, когда тебя очень даже отвлекают, шаловливыми ручками обрабатывая самое что ни на есть сокровенное место — без всякого стеснения, деловито, будто моют посуду. И да — гормоны у меня просто кипят в крови!

Я вздохнул и дернулся, когда одна из девушек особенно истово начала тереть это самое место. По-тише, чертовки! Что за эротические массажи?! А ведь приятно, черт подери... хоть и стыдно. Не было бы старухи, наверное, и стыдно бы не стало. Как-то неудобно при ней — извращение, да и только! Сейчас бы схватить эту девку, завалить, подмять под себя, и...

Меня осторожно перевернули на живот, и я облегченно вздохнул, закрыв глаза и чувствуя, как потихоньку, очень медленно спадает возбуждение. Еще бы минуточку, и я бы точно разрядился — под смех старухи и ее молоденьких помощниц. М-да... не хватило минуты. А жаль! Плевать на стыд.

Меня обтерли, растерев толстым полотенцем докрасна — своеобразный массаж. Затем старуха положила на постель рядом со мной костюм, очень похожий на костюмы тех парней, что стояли рядом со мной, когда я очнулся в первый раз. Только серебряного шитья на нем было гораздо меньше. Практически не было — серебряные только оторочка воротника и обшлага рукавов.

Меня приподняли и стали одевать. Прямо на голое тело, никаких тебе изысков вроде трусов и маек.